
Советская академическая философия и философские искания Л.М. Леонова на рубеже 1970–80-х гг.

© 2020 г.   А.А. Воробьев

*Институт социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета (МПГУ),
Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1.*

E-mail: andorth@yandex.ru

Поступила 01.03.2019

В статье рассматривается поздний этап творчества писателя-мыслителя Л.М. Леонова в историко-философском контексте советской академической философии (по материалам журнала «Вопросы философии»), очерченном хронологическими рамками рубежа 1970–80-х гг. Автор осмысляет статьи, предметом которых было исследование человека как комплексной проблемы в контексте глобальных проблем современности («философия глобальных проблем» по И.Т. Фролову). Подчеркиваются естественнонаучные основания советской философской мысли. Показано, что в указанный период для академической философии был характерен научный оптимизм в отношении перспектив человека, конвергенции наук и построения так называемого «нового (реального) гуманизма». Для перехода от контекста академической философии к творчеству Л.М. Леонова в работе осуществлено расширение историко-культурного контекста за счет репрезентации некоторых событий литературного процесса 1970–80-х гг. Для последнего характерным было рассмотрение человека в координатах его бытия и истории, а не в контексте мировых проблем. Вторая половина статьи посвящена разбору произведений Л.М. Леонова и его публицистики 1970–80-х гг. Сделан вывод, что Л.М. Леонов своим творчеством рискнул в советских условиях показать возможности религиозно-философского и богословского (притом в еретическом варианте) осмысления всей человеческой истории и «человеческого проекта» как такового.

Ключевые слова: философия глобальных проблем, новый (реальный) гуманизм, естествознание, научный оптимизм, философия литературы, советская литература, исторический процесс, пессимизм, эсхатология, еретизм, гностицизм, критика прогресса.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11–155–165

Цитирование: *Воробьев А.А.* Советская академическая философия и философские искания Л.М. Леонова на рубеже 1970–80-х гг. // *Вопросы философии.* 2020. № 11. С. 155–165.

Soviet Academic Philosophy and Leonid Leonov's Philosophical Searches on the Threshold of 1970–1980s

© 2020   Andrey A. Vorobyev

*Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University (MPGU),
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.*

E-mail: andorth@yandex.ru

Received 01.03.2019

The article observes the late period of the oeuvre of L. Leonov, the writer-thinker, in the historic and philosophical context of the Soviet academic philosophy (based on publications of “Voprosy Filosofii” journal). This period is located within approximate chronological frames on the threshold of 1970–1980s. The author comprehends the articles having the following subject: an examination of a person as a complex problem in the context of contemporary global problems (so-called “philosophy of global problems” after I. Frolov). The natural scientific grounds of the Soviet philosophical think are emphasized. It is shown that academic philosophy during the above-mentioned period was characterized by scientific optimism regarding human perspectives, scientific convergence, and building of so-called “new (real) humanism”. The transition from the context of academic philosophy to Leonov's oeuvre was realized in this work via the expansion of historic and cultural context due to the representation of several events of the literary process in 1970–1980s. Human consideration in the coordinates of his way of life and history, not in the context of global problems, was typical for this literary process. The second part of the article is devoted to the analysis of Leonid Leonov's literary works and his social and political essays in 1970–1980s. It can be concluded that Leonid Leonov dared to display in his oeuvre in the Soviet conditions possibilities of religious and philosophical as well as theological (even in its heretic mode) comprehension of the total human history and the “human project” itself.

Keywords: philosophy of global problems, new (real) humanism, natural science, scientific optimism, philosophy of literature, Soviet literature, historical process, pessimism, eschatology, heresy, gnosticism, critic of progress.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-155-165

Citation: Vorobyev, Andrey A. (2020) “Soviet Academic Philosophy and Leonid Leonov's Philosophical searches on the Threshold of 1970–1980s”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 155–165.

1970-е гг. прошлого века ознаменовали собой новый этап развития советской философской мысли. Архив журнала «Вопросы философии» за период с начала 1970-х по середину 1980-х гг. показывает заметное увеличение количества исследований, посвященных человеку как комплексной проблеме в контексте глобальных проблем современности. Интерес к означенным темам будет сохраняться приблизительно до 1985–1986 гг., когда социально-политические и экономические преобразования санкционируют появление в научных и общественных дискуссиях (проводившихся не только на площадках академических изданий, но прежде всего в так называемых «толстых журналах») иных тематик, с сильным присутствием компонента непосредственно переживаемой современности.

Советская философия в своей основе опиралась преимущественно на естественно-научный способ осмысления действительности – отсюда подчеркнутый интерес к проблемам научного (естественнонаучного) познания, к построению систем, к поискам исторических закономерностей. Неслучайно в связи с этим и само понимание философии как научно-теоретической дисциплины – метанауки над конкретными науками. Указанная специфика во многом, на мой взгляд, была обусловлена претензиями самой Октябрьской революции: силами науки, изучив закономерности в мире, овладеть этим миром, материально преобразить его и «вывести породу» нового человеческого типа. В «Пирамиде» содержится мысль, что подобные сверхчеловеческие претензии сулили совершить эдакую перековку «пчелок золотых» на «породу шершня... который... муху обыкновенную запросто перекусывает пополам» [Леонов 2013, 56].

Уже с 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма» в большом количестве представлены статьи по проблеме естествознания и материалистической философии. Сравнение советского и эмигрантского журналов «Под знаменем марксизма» и «Путь» (а их «исторический разбег» совпадает хронологически) высвечивает то «разъятие» отечественной мысли, которое произошло после Октября: естественнонаучная и историко-материалистическая составляющие реализовывались в Советской России, а религиозно-интимная, «идеалистическая» по факту утраты «почвы» – в русской эмиграции. Гуманитарное мышление в СССР подспудно разрабатывалось внутри филологии и, отчасти, в лице ведущих писателей-мыслителей (М. Горький, Л. Леонов, А. Платонов, М. Пришвин, и др.) в «большой» художественной литературе и литкритике. «Задающее тон» естественнонаучное основание позволяло включать специалистов-физиков, биологов, химиков, геологов и проч. в философские дискуссии и вносить меру воздержанности (идущей от предметов конкретных наук) от избыточной спекулятивности в отношении прогностических претензий и итоговых выводов. Но главное, что оно «задавало» ту общественно-научную атмосферу, благодаря которой смогли появиться философствующие естественнонаучные кадры, для которых понятия «философия» и «наука» не являлись антагонизмом.

«Философствующее естествознание» периодически порождало любопытные работы «от обратного»: в статье Е.Л. Фейнберга «Искусство и познание» достоинство и сила гуманитарного интуитивного познания раскрывается через противопоставление последнего с дискурсивным логическим. Автор показывает тонкое (и не всегда возможное) разграничение критериев верификации гуманитарного познания в отличие от естественнонаучного, отдавая приоритет по сложности познанию гуманитарному [Фейнберг 1976, 96]. По сути, статья являет собой критику позитивистского «перекося» в науке (в предельной форме выраженной, по замечанию ученого, в «монополии дискурсии» [Там же, 108]), высказанную с естественнонаучных позиций.

Вышесказанное не отменяет, хотя и оттеняет (поскольку появляется историческая конкретика) тот идеологический фактор, который вносил меру ангажированности и тем понижал итоговую ценность выпускаемых работ даже таких видных представителей советской философии, как, например, И.Т. Фролов и Б.М. Кедров. Этот же фактор влиял на «популярность» тематик: очевидно доминирование гносеологических проблематик над историко-философскими. Иногда идеологическое давление высокой ценой – не благодаря, а вопреки – порождало неожиданные варианты «идеалистического мироощущения»: тому пример Н.Н. Трубников, вынужденно развивавшийся от специалиста-гносеолога в сторону своеобразного религиозного философа-писателя (см., например: [Трубников 1996]).

Тем не менее в лице лучших представителей советской философии исследователи почти всегда имеют дело с компромиссом и соответствующим компромиссу языком.

В редакционной преамбуле к программной статье И.Т. Фролова «Философия глобальных проблем», открывшей дорогу публикациям, посвященным «социально философским и методологическим аспектам глобальных проблем», отмечают Круглые столы «Вопросов философии» 70-х гг., которые «задали меру» в разговорах о человеке как о комплексной проблеме [От редакции 1980, 28]. Ссылка на работу И.Т. Фролова

неслучайна: именно он, будучи предельно целостной фигурой советской философской мысли, стимулировал появление подобных тематик и доказывал их актуальность.

Ядро дискуссий составляла попытка научно-философски осмыслить человека и его актуальную современность в общемировом контексте развития науки и техники (Фролов спорит с авторами докладов «Римского клуба», представителями так называемой «буржуазной науки»), экологических и демографических проблем. «Глобальные проблемы» – это итог ускоряющегося развития человечества и одновременно новый подход к разговору о вызовах современности в их исторически разворачиваемой потенциальности (перспективах). В качестве наиболее репрезентативных и консенсуальных (и потому – мировых), глобальных проблем на 1980 г. И.Т. Фролов выделяет следующие: проблемы мира и разоружения, экономического роста, социального развития, продовольствия, здравоохранения, истощаемости природных ресурсов, проблемы энергетики (включая атомную), экологии, демографии, а также проблемы перспектив развития человека.

В соответствии с идейно-идеологическими установками времени, решение означенных проблем ставилось в связи с разработкой принципов «нового (реального) гуманизма», базирующегося на марксизме как наиболее комплексной и действенной, по мнению философа, методологии [Фролов 1980, 42]. В последующих статьях Фролов продолжит разработку означенных тематик, в том числе в соавторстве с Н. Моисеевым [Фролов 1981; Фролов 1983^а; Фролов 1983^б; Моисеев, Фролов 1984], а в 1985 г. под редакцией ученого выйдет XX том издания «Страны и народы», посвященный «глобальным проблемам»: эту книгу можно расценивать как переход проблематики из академического регистра в научно-популярный [Фролов (ред.) 1985].

Подступы И.Т. Фролова в отношении «философии глобальных проблем» и разработка принципов «нового (реального) гуманизма» не были одиноки: они были «векторными», очерчивающими границы предмета и добавляющие пластичности уже очерченным границам. А введение тематики в оборот и ее институциональное закрепление через ведущие академические журналы есть исторический прецедент – допуск на дальнейшую разработку. В.А. Энгельгард в статье «Наука, техника и гуманизм», разрабатывая комплексную проблему человека, выходит на критику современного ему капиталистического общества с его «кризисом идентичности» («пониманием человеком собственной ценности в ее отношениях с социальной средой» [Энгельгардт 1980, 91]). Доведенный до логического конца, «кризис идентичности» грозит экзистенциальным распадом, деперсонализацией, урбанистическим подавлением (в «городах-спрутах») и тем отчуждает человека от плодов его же разумом созданного технического изобилия и прорывных технологий (вроде геной инженерии). Эти процессы вызывали у ученого тревогу, поскольку за ними виделось усугубление проблемы «отрицательного взаимодействия» между гуманизмом и техникой [Там же, 91–93]. И хотя философия, как я отметил выше, мыслилась как «метанаука», сами разговоры о необходимости комплексного подхода и конвергенции наук говорят о том, что к 1970–80 гг. она выходила из состояния «метанауки». Другое дело, что родовая особенность естествознания проявляется в статьях достаточно наглядно: актуализируя глобальные проблемы современности, авторы делают упор именно на современность, а не на длительный исторический их генезис и поэтому появляется ощущение некоторой модельности. В статьях практически нет прояснения историко-философских оснований глобальных проблем человечества. Это утверждение, однако, не умаляет историко-научную деятельность тех же И.Т. Фролова или, скажем, Б.М. Кедрова: в их специальных работах присутствует глубокое историческое раскрытие предметных областей (биологии и химии соответственно).

В анализе мировых проблем и конкретно проблем западных обществ советская философия оказалась точна: наработки 1980-х гг. вполне актуальны и поныне, а в некоторых случаях – пугающе точны в своих прогнозах. Правда, в отношении критики социалистического хозяйствования прогнозы выглядят слишком идеализированно и даже неправдоподобно. Даже в «Классификации наук», выдающейся в своем роде попытке

классифицировать многообразие наук на основаниях марксистско-ленинской философии, некоторые итоговые выводы о науке будущего удивляют своим оптимизмом и сближаются риторически скорее с богословием, нежели с наукой [Кедров 1985, 538–540]. Необходимость поиска новых гуманистических начал («нового (реального) гуманизма») перед лицом глобальных проблем очевидно была фактом мышления эпохи – более или менее отрефлектированным. Однако в работах советских философов, и это главный вывод применительно к предмету данной статьи, была одна определяющая, общая, фактически априорная черта в отношении будущего человечества. Признавая амбивалентность научно-технического прогресса и вызванных им антропогенных изменений как в природе (проблема природных ресурсов и экологической обстановки в мире), так и по отношению к самому человеку (проблема долгожительства и демографического регулирования), испытывая меру тревоги за человечество в целом (что очевидно было «долгим эхом» Карибского кризиса), ученые-философы все-таки стояли на позициях оптимизма и своеобразной «научной веры» в перспективы человека: человек по определению человечен, а его «сапиентность» можно усиливать научно – тем обретаются основания для научного оптимизма, потому что последний, в конечном счете, безальтернативен [Фролов 1981, 33]. Это основание было немислимо к пересмотру. Его и решил поставить под вопрос писатель-мыслитель Л.М. Леонов.

В литературном процессе 1970–80-х гг. человек рассматривался прежде всего в ракурсе быта, повседневности. В этом отношении очень продуктивно соотнести работы классика городской прозы Ю.В. Трифонова – цикл «московских повестей» («Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на Набережной»), роман «Время и место» и глубокосоциальные драмы кинорежиссера Ю.Я. Райзмана («Странная женщина», «Частная жизнь», «Время желаний»). Все означенные произведения культуры показывают человека не в координатах «глобальных проблем», но в координатах его быта, как зримой производной от бытия. Однако в них задается именно историческая емкость: советский человек, как он показан, таков не сам по себе, но в связи с историей его становления (у Трифонова историческое измерение является довлеющим над «свершающимся настоящим», вопреки распространенному клише о его сугубом «бытописательстве»; режиссер Райзман также дает детализированное, хотя и опосредованное, историческое измерение советского человека в своих кинолентах). Несколько более сложный вариант художественного исследования человека можно найти в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» – здесь социально-историческое измерение человека (с сугубым этно-мифологическим компонентом) косвенно пересекается с проблемами мира и космоса.

В 1983–1984 гг. журнал «Вопросы философии» провел Круглый стол по проблеме соотношения литературы, литературной художественной критики в контексте философии и обществознания. Материалы дискуссии несут на себе отпечаток эклектичности, хотя и не такой заметный, как на схожем по тематике Круглом столе 2009 г. [Философия и литература 2009], а уровень докладов высокоамплитудный – их историко-философская оценка требует отдельной статьи. Я лишь обращаю внимание на ряд критических высказываний. В частности, было отмечено, что современная литература не может быть только чувственно-эмоциональной и образно-наглядной, но должна развиваться в сторону рациональной, несколько отвлеченной и логически выверенной мысли, в сторону науки [Межуев 1984, 92–93]; что остается нерешенным вопрос о сущности «философской прозы» – возможно лишь указать «модус перехода» от обычной прозы к философской (но и при такой постановке вопроса все равно непонятно, кого считать философствующими писателями) [Манн 1983, 105]; что наличие «философичности» в прозе может «насиловать» художественную составляющую произведения (интересна в этом отношении критика А.М. Зверевым упомянутого выше романа Айтматова) [Зверев 1984, 93–95]; что философия, литература, литкритика друг в друге могут и вовсе не нуждаться – имеются исторические прецеденты [Там же]. Было даже высказано мнение, что философия и литература идут в противоположных направлениях [Латынина 1984, 104]. В итоге, Круглый стол, несмотря на его масштабность,

лишь по касательной задевает вопрос параллельного и полунепересекаемого движения литераторов и философов.

Интересно, что Л.М. Леонов в дискуссиях не упомянут даже в числе советских классиков, что и озадачивает, поскольку репутация «заумного писателя» закрепилась за Леоновым едва ли не с 20–30-х гг. и отчасти оправданно: классик сам «скрывался» от публики, уйдя в своеобразный «полузатвор». Тем не менее Леонов оставался одним из очень немногих представителей «большой» русской советской литературы, способный выдавать произведения с высоким уровнем мыслительной емкости, а применительно к 1980-м – чуть ли не единственным. Он принципиально различал «масштаб» писателей: «Пишут ситуациями, пишут образами. Пишут и идеями – это уже серьезно. Наконец, пишут блоками двадцативековой толщи... мало кто способен мыслить “блоками”. Я попытался и – увяз (имеется в виду «увяз» в «Пирамиде». – А.В.)» [Овчаренко 2002, 221]. У Леонова имелось неочевидное преимущество: в 1972 г. он был избран академиком АН СССР (в живых из литакадемиком к 1980 г. остались только М.А. Шолохов и Л.М. Леонов). Факт принадлежности Леонова к Академии наук требует пояснения, поскольку высок соблазн превратной интерпретации ученого звания.

Советская «высокая» наука, если взять ее в целокупности, реализовалась прежде всего через разветвленную по всем включенным в Союз ССР республикам систему академических институций. Устойчивость институций, централизованное «вертикальное» управление ими создавало сложную систему и иерархию, выводящую к вершине «пирамиды» – сакральному ученому званию «академика», носителям которого позволялось то, что не позволялось другим. Именно эта «институциональная связь», добытая с большим трудом, на мой взгляд, во многом позволяла Л.М. Леонову быть «вхожим» особым образом и с привилегиями в «контекст времени» и ставить нетривиальные вопросы. Я полагаю, что помимо прочего упомянутая связь (а академические научные институции – это, прежде всего, люди) обостряла и подпитывала в Л.М. Леонове страсть к глобальным проблемам науки и техники – примат естествознания в Академии был очевиден, достаточно взглянуть на руководство: А.П. Карпинский (геология), В.Л. Комаров (ботаника), С.И. Вавилов (физика), А.Н. Несмеянов (химия), М.В. Келдыш (математика, механика), А.П. Александров (физика; как следует из новой биографии Александрова – Л.М. Леонов был в числе знаковых ученого [Бодрихин 2018, 358]), Г.И. Марчук (геофизика).

Еще одним особенным местом-площадкой для встреч был журнал «Наука и жизнь». Являясь популяризирующей периодикой, журнал публиковал материалы высокого уровня, формируя атмосферу интереса к достижениям науки и техники благодаря баснословным тиражам. Предметная принадлежность членов редакционной коллегии журнала снова высвечивает все ту же «доминанцию» естествознания: (я беру список редакционной коллегии, за исключением членов РК-сотрудников редакции, на момент 1979 г. (№ 1 – 1979)): О.Г. Газенко (физиология), В.Л. Гинзбург (физика), В.М. Глушков (математика, кибернетика), В.С. Емельянов (атомная промышленность), Б.М. Кедров (философия), В.А. Кириллин (энергетика), Б.Г. Кузнецов (философия), Л.М. Леонов (литература), А.А. Михайлов (астрономия), Б.Е. Патон (металлургия), Н.Н. Семенов (физхимия), П.В. Симонов (психофизиология), Я.А. Смородинский (физика), Е.И. Чазов (кардиология). Л.М. Леонов в этом списке единственный «чистый гуманитарий» (Кедров и Кузнецов – философы естествознания), поскольку – литератор.

После компромиссного «Русского леса», художественными средствами на материале дискуссий по проблемам лесопользования и личного общения-дружбы с Н.П. Ануциным, разрабатывающего помимо прочего аксиологические проблемы этоса ученого (противостояние «ученых типажей» Александра Грацианского и Ивана Вихрова) и экологической ответственности, классик издавался мало: ряд публицистических статей, киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинли», лирическая повесть «Evgenia Ivanovna». Однако в 1970-х гг. Леонов публикует отрывки из готовящегося тогда романа, ныне известного как «Пирамида», – «Мироздание по Дымкову» и «Последняя прогулка». Еще с самых ранних своих произведений Л.М. Леонов проявлял сугубый интерес

к пессимистическим мышлению (что впоследствии будет называть словосочетанием «трезвый пессимизм» [Леонов 1987, 2]) и изображению мира. Пессимистичность писателя-мыслителя будет идти рука об руку с фактически богословской идеей присутствия активного зла в мире – уже в «Деяниях Азлазивона» эта идея представлена достаточно ярко (а в самом имени бесовского владыки спрятано слово «зло»). Вместе с этим Леонов, носитель до крайности обостренного исторического мышления, постоянно подчеркивает историческое измерение всех процессов в стране и мире: даже «революционную новь» (вариант мифоконструирования супротив истории) он художественно «осекает» аргументом «от истории» уже в «Воре» (первой редакции, 1927) и усиливает «осечение» во второй редакции романа (1959), добавляя слова: «народ существует в целом, в объеме всей своей истории» [Леонов 1982, 47]. Как «типаж», Л.М. Леонов являл собой «возрожденческую натуру» – сложнокомпозиционный строй его романов «Соть», «Скутаревский» и, особенно, «Дорога на Океан» являет собой попытку балансирования между научно-технической мыслью и футурологией, космистскими мотивами (оптимистический пафос которых Леонов ослабляет) и тем, что я бы назвал критикой «красного богословия», историей и мифом.

Конечно, «смещение» сложных тем человеческой интимности, ярого ощущения истории («человеческий переплав») или, напротив, – новой мифологии (порожденной «новой богословской школой», по Г.П. Федотову [Федотов 2012, 56]), науки и техники, было характерно не только для Л.М. Леонова – для него характерна именно много-сложность-многоэтажность, попытка (и попытка успешная) задать большую емкость. Эти же тематики по-другому, хотя и близко по духу, осмысливались в произведениях писателя-мыслителя А. Платонова и даже у не-философствующих классиков соцреализма, например, в романе Ф.В. Гладкова «Цемент». В отношении последнего, между прочим, сохранилась удивительная переписка с А. Белым. Гладков рассказывает Белому разговор с А.Г. Малышкиным о технике (замечу: в 1930-х разговор о технике еще светел, обнадеживающе-футурен): «...говорили о природе и машинах, и между ними человек. Машины, чем они ни сложнее, тем больше очеловечены – это торжество человеческой математики мысли. В каждой машине – воплощение психики и велико-лепнейший кристалл художественного воображения. Теперь человек воспринимает мир – от природы до электрической лампочки (производство ее очень сложно и красиво) – только в борьбе. Не состояние, а становление. Не созерцание, а действенная мысль, воля и мир – в буре движения и преображения» [Гладков 1988, 757].

На рубеже 1970–80-х гг. Леонов также осмысливает перспективы человека перед лицом глобальных проблем: «...сверхисторические дела творятся сегодня... не было в истории людей более строгого переломного периода, чем вот эти тридцать – сорок лет... все экспоненты, определяющие экономику, потребности и отсюда всевозрастающую физиологическую уязвимость со стороны условий существования, круто полезли в таинственный свой перекресток наверху, и резвей всего, до жути беспощадно взивается вверх кривая военной техники» [Леонов, 1984⁹, 551–552]. Причем леоновское осмысление времени стоит гораздо ближе к философии, чем к современному ему художественному исследованию человека в координатах быта. Он и фигуру писателя «большой русской литературы» мыслит как «следователя по особо важным делам человечества» [Там же, 551], а задачу литературы видит в «разведке будущего» и работе с большегрузными объемами, потому что «чем крупнее объем времени, из которого мыслитель выщипывает свой опыт, тем глубже и выводы» [Там же, 552].

Писатель-мыслитель никогда не дает ни законченной системы, ни «окончательных диагнозов» (и именно поэтому его собственная фигура не «сводима к...»): он пытается показать динамику, диалектику, многовекторность и, следовательно, трудноуправляемость жизни. В этом смысле он вносит известную толику подлинного релятивизма в понимание познания окружающей действительности, потому что «универсалии» перестают работать в иных ракурсах (системах измерения). В «Мироздании по Дымкову» Леонов ставит под сомнение универсальные познавательные возможности науки (что, безусловно, есть критика примата научного мировоззрения), отмечая устами

героя своего «...спесь некоторых наук, чья ограниченность... проступает в упорном самообольщении, будто оперирует с абсолютной истиной» [Леонов, 1984^г, 562–563], ведь «благодаря успехам просвещения мы даже солнышко разжаловали в захолустную звезду со ссылкой на окраину системы, но кто знает, не вознесет ли его когда-нибудь обратно, в ранг сурового и милосердного божества потрясенное сознание наше?» [Там же, 577], и говорит также, что «...со школьной скамьи известные нам физические законы далеко не обязательны для всех этажей мироздания...» [Там же, 567]. Не увлекаясь самодумством, Леонов скорее показывает шаткость всяких человеческих оснований и, соответственно, итоговых выводов в отношении картин мироздания как такового. Б.В. Раушенбах вспоминает по этому поводу: «Он все время пытался ту картину, которая будет построена через миллион лет, увидеть сейчас» [Беседа 1999, 389], и в другом месте: «И не всегда мог согласиться с некоторыми твердо установленными в науке фактами, поскольку через сто лет может быть по-другому» [Там же, 390]. Причем Раушенбах видел толику истины в таком подходе: «...художник иногда может видеть больше ученого, может усмотреть такие второстепенности, которые ученый отбрасывает как несущественные» [Там же].

В отличие от академических философов Леонов делает две принципиальные добавки в размышления о глобальных проблемах человечества: он задает сверхисторический масштаб всем происходящим событиям и осмысляет события эсхатологически – непрямым образом возвращая богословское или религиозно-философское ее (истории) измерение. Причем эсхатология понимается писателем-мыслителем гностицистически (в т.ч. через внесение субстанциального зла в мир, и порождаемую, следовательно, дуальность в отношениях между Богом и дьяволом). Остановлюсь подробнее: хотя Л.М. Леонов не сводит к гностицизму, но очевидно, что мышление его – глубинно еретическое и базируется на не вполне ясной форме христианского гностицизма. Отношения писателя с православным христианством не исследованы достаточно, но существуют репрезентативные подступы к данной проблеме [Любомудров 2004].

Важная мысль, в той или иной степени присутствующая во всех его произведениях, а особенно в «Пирамиде» – это испорченность человеческого проекта, которую Леонов объясняет, ссылаясь на апокриф Еноха (какой конкретно источник стоит за сугубо еретическими измышлениями Леонова – со временем предстоит выяснить), обоюдонесовместимостью (или нарушением баланса) огня и глины в самом человеке в момент творения. Именно «трагический божественный статус» человека, разбалансированного по ошибке Творца, стимулирует к активности субстанциальное, не имеющее временного измерения зло – руками человека штурмом взять Небо: «В пору зрелой зрелости человечество в борьбе за свое господство уже не может обольщаться успехами чисто практического безбожия... нынешние, с риском вызвать на себя пламень гнева, воинствующие тамтамы под окнами Всевышнего применяются уже не с целью испытать долготерпенье старика (то есть Бога. – А.В.), а впрямую – раскрыть дислокацию небесной обороны» [Леонов, 1984^г, 574]. Речь идет о том, что взрослое человечество (подспудно Леонов признает прогрессивное движение человеческой истории – древнееврейскую, а затем и древнехристианскую идею возрастания от Завета к Завету), в своем историческом восхождении обожествило себя до такой степени, что само же идет штурмовать «рай», а за этим «штурмом» в итоге стоит аннигиляция. Интересно, что еще в 1960 г., в исправленной версии ранней своей повести «Конец мелкого человека» (1922), писатель-мыслитель вставит фразу, что природа есть «колымага», а «человечество... есть колесо, с оси соскочившее...», которое «...успокоится в какой-нибудь канаве...», а «...колымага... и дальше последует в нескончаемые века» [Леонов 2009, 246]. В «Мироздании по Дымкову» эта же мысль будет высказана прямее – по ходу движения к звездам человечество ждет «генеральная яма» [Леонов 1984^г, 579].

В чем же уникальность исканий писателя-мыслителя? Я полагаю, что Л.М. Леонов легально рискнул в советских условиях развернуть актуальные глобальные проблемы человечества в ту сторону, в которую наука и не стала бы их разворачивать (по факту отрицания ценности богословских аргументов), а философия не могла: в сторону

близкой к окончательному пессимизму оценки человека как неудачного божественного проекта – и даже шире: самой Вселенной, «бессмысленной, в общем-то, канители с переливанием из пустого в порожнее» [Леонов 1984^а, 591]. Хотя если опустить прямые богословские интуиции Леонова, оставив «чистую» философию, то его тревожное вопрошание современности вскрывает антипросвещенческую, антимодернистскую установку: если мы постоянно улучшаемся и прогрессируем, то почему мы, в итоге, разрушаем себя?.. Эсхатологическая панорама в удивительно мрачных красках дана в «Последней прогулке»: визионерство Дуни Лоскутовой, открытое ей ангелом Дымковым, являет конец мира, вплоть до живописания гаснущего солнца, и вырождение людской генерации в перспективе. Эти идеи получают свое завершено-незавершенное развитие в «Пирамиде».

Чтение Леонова озадачивает: писатель-мыслитель по гражданской своей позиции и по масштабу осмысления «глобальных проблем» вполне конгениален научно-философским изысканиям своего времени: он также радуется за мир, за политику разрядки [Леонов 1984^б, 554], высказывается в защиту жизни на Земле («перед человечеством стоят сегодня две первостепенные задачи: защита мира и защита природы, обе – главные условия нашего дальнейшего существования» [Леонов 1984^а, 537]), за сближение ученых-гуманитариев и ученых-«технарей» (за ту самую конвергенцию наук) [Леонов 1984^в, 542]. Но вместе с этим, Леонов как писатель-мыслитель предстает философствующим художником апокалиптического типа, каждая страница которого – сгущенная боль в ожидании того, что на роду человеческом написано – без лишнего пафоса, без диагнозов, без правых и виноватых – быть погребенным под обломками собственных амбиций, явить до конца что есть роковая ошибка Творца (несколько выходя за хронологические рамки статьи замечу, что этот вопрос Л.М. Леонов подробно художественно осмыслит в отрывке «Спираль» (1987)). Тем творчество Л.М. Леонова парадоксально, ценно и тем, похоже, трагически правдиво.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Беседа 1999 – Беседа с академиком Б.В. Раушебахом // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. Сборник с иллюстрациями. М.: Голос, 1999. С. 388–395 (*Conversation with Academician Boris Rauschenbach, in Russian*).

Гладков 1988 – Письмо Ф.В. Гладкова – Б.Н. Бугаеву // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М.: Советский писатель, 1988. С. 753–772 (*A Letter from Fedor Gladkov to Boris Bugaev, in Russian*).

Зверев 1984 – Зверев А.М. О цене философичности и «модусе перехода» // Литература и литературно-художественная критика в контексте философии и общественнознания // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 93–95 (Zverev, Alexey M., *On the Price of Philosophical Aspects and “Transition Modus”*, in Russian).

Кедров 1985 – Кедров Б.М. Классификация наук. Т. III. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985 (Kedrov, Bonifaty M., *Classification of Sciences. Vol. III. K. Marx's Prediction of the Science of the Future, in Russian*).

Латынина 1984 – Латынина А.Н. Вопросы человеческой судьбы // Литература и литературно-художественная критика в контексте философии и общественнознания // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 103–106 (Latynina, Alla N., *Questions of Human Destiny, in Russian*).

Леонов 1982 – Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. Вор. Роман / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1982 (Leonov, Leonid M., *The Thief, in Russian*).

Леонов 1984^а – Леонов Л.М. Отечество // Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1984. С. 537–539 (Leonov, Leonid M., *The Fatherland, in Russian*).

Леонов 1984^б – Леонов Л.М. Журналу «Москва» // Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1984. С. 540–542 (Leonov, Leonid M., *To “Moskva” Magazine, in Russian*).

Леонов 1984^в – Леонов Л.М. Разговор о теме дня. Отрывок из беседы // Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1984. С. 551–554 (Leonov, Leonid M., *Conversation about the Actual Subject. A Piece of Talk, in Russian*).

Леонов 1984^f – Леонов Л.М. Мироздание по Дымкову // Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1984. С. 561–582 (Leonov, Leonid M. *The Universe by Dymkov*, in Russian).

Леонов 1984^g – Леонов Л.М. Последняя прогулка // Леонов Л.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1984. С. 583–592 (Leonov, Leonid M., *The Last Walk*, in Russian).

Леонов 1987 – Леонов Л.М. Раздумья у старого камня // Роман-газета. 1987. № 13. С. 1–5 (Leonov, Leonid M., *Reflections at the Old Stone*, in Russian).

Леонов 2009 – Леонов Л.М. Конец мелкого человека // Леонов Л.М. Ранняя проза / Вступ. ст. 3. Прилепина. М.: ОГИ, 2009. С. 218–293 (Leonov, Leonid M., *The End of a Pretty Man*, in Russian).

Леонов 2013 – Леонов Л.М. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Пирамида: Роман в трех частях: Загадка, Забава (гл. I–VIII). М.: Книжный клуб Книговек, 2013 (Leonov, Leonid M., *The Pyramid*, in Russian).

Манн 1983 – Манн Ю.В. Парадоксы литературоведения // Литература и литературно-художественная критика в контексте философии и обществознания // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 105–107 (Mann, Yuri V., *Paradoxes of Literature Studies*, in Russian).

Межуев 1984 – Межуев В.М. Целостность нашего отношения к миру // Литература и литературно-художественная критика в контексте философии и обществознания // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 91–93 (Mezhuev, Vadim M., *Consistency of Our Attitude to the World*, in Russian).

Моисеев, Фролов 1984 – Моисеев Н.Н., Фролов И.Т. Высокое соприкосновение. Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии // Вопросы философии. 1984. № 9. С. 24–41 (Moiseev, Nikita N., Frolov, Ivan T., *The High Touch. Society, Man and Nature in the Age of Microelectronics, Informatics and Biotechnology*, in Russian).

От редакции 1980 – От редакции // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 28 (*From the Editorial Board*, in Russian).

Трубников 1996 – Трубников Н.Н. Зефи, Светлое мое Божество, или После заседания (из записок покойного К.) // Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 90–257 (Trubnikov, Nikolay N., *Zefi, My Glorious Divinity, or After Session (from Proceedings of Deceased K.)*, in Russian).

Федотов 2012 – Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Собр. соч. В 12 т. Т. 4. Статьи 30-х гг. из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam&Sam, 2012. С. 23–63 (Fedotov, Georgy P., *Tragedy of Intelligentsia*, in Russian).

Фейнберг 1976 – Фейнберг Е.Л. Искусство и познание // Вопросы философии. 1976. № 7. С. 91–108 (Feinberg, Evgenii L., *Art and Cognition*, in Russian).

Философия и литература, 2009 – Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56–96 (*Philosophy and the Literature: Problems of Mutual Relations (a Round-Table Discussions)*, in Russian).

Фролов 1980 – Фролов И.Т. Философия глобальных проблем // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 29–44 (Frolov, Ivan T., *The Philosophy of Global Problems*, in Russian).

Фролов, 1981 – Фролов И.Т. Человек и человечество в условиях глобальных проблем // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 32–48 (Frolov, Ivan T., *Man and Mankind under Conditions of Global Problems*, in Russian).

Фролов 1983^a – Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма. Статья первая // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 83–98 (Frolov, Ivan T., *On Life, Death and Immortality (First Article)*, in Russian).

Фролов 1983^b – Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма. Статья вторая // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 52–64 (Frolov, Ivan T., *On Life, Death and Immortality (Second Article)*, in Russian).

Фролов (ред.) 1985 – Страны и народы: Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Земля и человечество. Глобальные проблемы / Отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Мысль, 1985 (Frolov, Ivan T., *Earth and Humanity. Global Problems, Countries and Nations. Scientific and Popular, Geographic and Ethnographic Edition in 20 v.*, in Russian).

Энгельгардт 1980 – Энгельгардт В.А. Наука, техника, гуманизм // Вопросы философии. 1980. № 7. С. 84–93 (Engelgardt, Vladimir A., *Science, Technology, Humanism*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бодрихин 2018 – Бодрихин Н.Г. Анатолий Александров. М.: Молодая гвардия, 2018.

Любомудров 2004 – Любомудров А.М. Суд над Творцом (Роман «Пирамида» в свете христианства) // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 68–96.

Овчаренко 2002 – Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова: Из записок 1968–1988-х годов. М.: Московский интеллектуально-деловой Клуб, 2002.

References

Bodrikhin, Nikolay G. (2018) *Anantoly Alexandrov*, Molodaya Gvardia, Moscow (in Russian).

Lyubomudrov, Alexey M. (2004) “The Judgment out the Creator (The Novel *Pyramid* in the Light of Christianity)”, *The Novel “Pyramid” by L. Leonov. The Problem of World Justification*, Nauka, Saint Petersburg, 2004. pp. 68–96 (in Russian).

Ovcharenko, Alexander I. (2002) *In the Leonid Leonov’s Circle: from Notes of 1968–1988-s*, Moskovskiy intellektual’no-delovoy Klub, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ВОРОБЬЕВ Андрей Александрович – аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ.

Author’s Information

VOROBYEV Andrey A. – Post Graduate Student at Department of Philosophy of Institute of Social and Humanitarian Education at MPGU.